

Фильмы голландского режиссера Йоса Стеллинга уже давно числятся в золотом фонде европейского авторского кино. Чего только стоят «Летучий голландец», «Иллюзионист» и «Стрелочник». В его последней на данный момент полнометражной картине «Душка» главную роль сыграл Сергей Маковецкий, а весной будущего года на экраны выходит очередной фильм Стеллинга «Девушка и смерть». Своими мыслями об этих лентах, особенностях режиссерского дела и голландского языка, чувстве юмора, связях с Россией и о будущем кинематографа режиссер поделился с **КиноПоиском**.

Вы пошли в кино, чтобы изменить что-то в мире?

— Да нет. Кино вообще никогда не сможет изменить человечество. Человек остается человеком. Всегда.

— Тогда что же?

— Все очень просто. Съёмочная площадка — единственное место, где мужчина действительно может указывать женщине, что делать. Именно поэтому люди становятся режиссерами. И я не исключение.

— Вас иногда называют голландским Феллини...

— Скажу даже больше: журналисты придумали мне прозвище Стеллини. Феллини, кстати, тоже был из тех ребят, которые любят править пышногрудыми красавицами. Многим почему-то кажется, что он философствовал, вкладывая в свои фильмы какой-то глубокий смысл. А на самом деле он использовал кино, чтобы делать то, что в обычной жизни невозможно.

— Вы часто смотрите работы своих коллег?

— Обычно я смотрю фильмы, когда готовлюсь к собственным съёмкам. Это такое тематическое исследование. И я всегда радуюсь, когда просмотренные фильмы оказываются неудачными: это значит, что я смогу лучше. Последней картиной, которую посмотрел, был британский фильм «Комната с видом». Не понравилось. Но больше всего я не переносю французское кино. Невозможно выслушивать непрерывные диалоги ни о чем. Единственное исключение — Эрик Ромер.

— Одна из особенностей ваших фильмов — практически полное отсутствие диалогов. С чем это связано?

— Голландский язык абсолютно не приспособлен к поэзии. Найти в мире более прагматичный язык невозможно. Это все от того, что мы народ, который рыбачит и занимается сельским хозяйством и не любит тратить время на разговоры. Кроме того,

когда смотришь фильм, в котором нет диалогов, приходится быть более сконцентрированным и искать информацию в изображении.

— **В ваших фильмах всегда присутствует очень тонкий юмор...**

— Самая большая проблема всех злых людей, фундаменталистов и глупых политиков — атрофированное чувство юмора. У немцев нет юмора. Это видно из их истории и футбола. Я люблю всех своих немецких друзей, но всех остальных ненавижу. Ну вот смотрите: в Голландии карнавалы проводятся, чтобы люди прикрывали свои лица и тайно радовались жизни, могли делать то, что обычно запрещено, например, проводить время с женой соседа. А немцы на своих карнавалах надевают дорогие, блестящие вещи, просто чтобы показать свое положение.

— **Откуда возникла эта история про «Душку» с ее безумно колоритным главным героем из России?**

— Как-то моему другу, австрийскому кинокритику из лагеря для беженцев балканских стран недалеко от Вены, позвонил какой-то серб по имени Душко и сказал, что они давно знакомы и ему хочется выпить с ним чашечку кофе. Мой друг так и не понял, откуда он с Душко знаком, но все-таки заехал за ним. Душко потом жил у него целых два года. К счастью, я узнал об этой истории и в результате появился «Душка».

— **«Душка» чем-то напоминает вашего же «Стрелочника», является как бы вариацией на ту же тему...**

— Я бы сказал так: поскольку я работаю в жанре авторского кино, то все мои работы — это как бы отдельные части одного большого фильма. А что касается связи этих двух работ, то вам со стороны виднее.

— **Как вам работалось с Сергеем Маковецким?**

— Сергей — великолепный актер и мой хороший друг. С ним было действительно очень интересно работать, у него было много идей. И немало очень колоритных деталей, вошедших в фильм, он придумывал сам по ходу процесса. Во многом именно благодаря этим деталям и был создан этот персонаж. К тому же у Маковецкого огромный опыт работы в кино — более 50 ролей, в то время как я снял всего 12 фильмов. Так что это был еще и очень полезный обмен опытом. Думаю, в будущем мы еще встретимся на съемочной площадке. У меня вообще какая-то особая связь с Россией. Во-первых, здесь как-то по-другому любят мои фильмы. Я был просто поражен, когда узнал, что «Ни

поездов, ни самолетов...» так тепло принял российский зритель. Например, в Голландии он особого успеха не имел. Думаю, российский зритель более поэтичный и чуткий. Я вообще люблю Восточную Европу. На Западе все думают только о завтрашнем дне. А Восток живет сегодняшним днем. Я тоже хочу таким образом построить свою жизнь, но не получается.

— А как вы начали работу над «Девушкой и смертью»?

— Я пять лет боролся, чтобы достать деньги на «Душку». После того как фильм был снят, я за два месяца написал новый сценарий и отправил потенциальным спонсорам. Обычно ответа приходится ждать минимум полгода. Прошло три недели. На улице была прекрасная солнечная погода, я стоял у окна, по радио играла восхитительная музыка. Вдруг зазвонил телефон, и красивый женский голос сказал: «Вы получили деньги». Я смотрел в окно еще несколько минут с чувством победы. Этот момент мне не забыть никогда.

— О чем будет фильм?

— Действие происходит в конце XIX века в одной гостинице. Это фильм о любви, о том, к чему человек стремится, но достигнуть не может. Там царит такая чеховская атмосфера, хотя «Девушка и смерть» не костюмная драма в привычном понимании. Просто эта эпоха сама по себе придает романтическое настроение. А еще состав персонажей интернациональный — здесь есть итальянцы, голландцы, русские, немцы, французы. Все они говорят на своих языках и не понимают друг друга. То есть в отличие от большинства моих картин здесь все же есть диалоги. Я долго думал, как бы сделать их лучше и в итоге придумал интересный ход. Фразы с очень прагматичного голландского перевел на русский и обратно на голландский. Получился совершенно новый язык. Например, вместо «Что ты здесь делаешь?» получилось «Какие ветра тебя занесли сюда?».

— У вас есть какой-то свой «секрет фирмы»?

— Умный режиссер окружает себя командой из еще более умных и талантливых людей. Но самое невероятное, что, когда фильм готов, все бегут поздравлять режиссера, как будто он все делал самолично. Кстати, когда мне задают вопрос о секрете успеха, я всегда вспоминаю Орсона Уэллса. Всякий раз, когда его спрашивали, как ему удалось создать «Гражданина Кейна», он просто говорил, что оказался в нужном месте в нужное время. Я бы еще добавил, что необходимо бороться. Если перед вами проблема, есть два пути: можно сделать вид, что ее нет, и просто обойти или же пойти вперед, найти решение. Я всегда выбираю второй вариант, так как с каждой решенной проблемой человек становится лучше. А это приводит к успеху. С другой стороны, успех не может быть самоцелью. Он как деньги — всего лишь дает определенную свободу.

— Сейчас все чаще заводятся споры о будущем кино, о том, что крупнобюджетный мейнстрим убивает дух кино и что конец кино как искусства уже близок. Что вы думаете по этому поводу?

— Когда-то Питер Гринуэй сказал: «Лучшее, что могло случиться для живописи, — изобретение фотографии». Именно после этого живопись стала действительно развиваться, разбивая все границы. А когда в начале XX века стало набирать обороты кино, многие стали утверждать, что это конец театру. И проблема действительно была. Но представители театра нашли решение, сумев развить театральное искусство в ином русле, в итоге сохранив его наряду с кинематографом. Сегодня все больше людей часами сидят перед телевизором или в интернете. И это идеальная возможность для еще большего развития киноискусства. Так что в будущее кино я смотрю исключительно с оптимизмом.